
ДИНАМИКА «СКЛОННОСТЕЙ» НАСЕЛЕНИЯ К СБЕРЕЖЕНИЮ И ИММОБИЛИЗАЦИИ СБЕРЕЖЕНИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ

Трещевский Юрий Игоревич¹, д-р экон. наук, проф.

Дашкова Екатерина Сергеевна¹, д-р экон. наук, доц.

Праченко Антон Александрович², канд. экон. наук

¹ Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1, Воронеж, Россия, 394018; e-mail: utreshevski@yandex.ru; dashkova-82@mail.ru

² Московский государственный университет спорта и туризма, ул. Кировоградская, 21, корп. 1, Москва, Россия, 117519; e-mail: anton-prachenko@mail.ru

Предмет: динамика неформальных институтов «склонность к сбережению» и «склонность к иммобилизации сбережений» в российских регионах, отличающихся по уровням экономической, в том числе – инновационной активности. *Цель:* анализ динамики «склонностей» населения к сбережению и иммобилизации сбережений в российских регионах в контексте общего уровня их экономической активности. *Дизайн исследования:* в процессе исследования использован комплекс общетеоретических, частных теоретических и эмпирических методов: историко-генетический, логический, диалектический; сравнительный, кластерный, корреляционно-регрессионный анализ. Исходная информация для расчетов получена из официальных статистических источников. *Результаты:* в процессе исследования проанализирована динамика «склонности к сбережению» и «склонности к иммобилизации сбережений» в регионах России, как неформальных институтов и форм экономической активности во взаимосвязи с показателями инновационного развития, уровнем и ростом доходов в период 2010-2021 гг. Сравнительный анализ указанных институтов позволил установить, что склонность к сбережению населения в регионах страны снижается независимо от уровней инновационной активности, доходов и их динамики. В Санкт-Петербурге – регионе, отличающемся высоким уровнем экономической, в том числе – инновационной активности, динамика склонности к сбережению/иммобилизации сбережений, нестабильна, не имеет сколько-нибудь выраженной тенденции, что позволяет предположить конъюнктурную ориентацию различных видов экономической активности населения

региона. Для остальных регионов, подвергшихся анализу (Ярославской, Волгоградской, Мурманской, Калининградской областей), характерно существенное снижение склонности к сбережению. Склонность к иммобилизации сбережений реализовалась на довольно высоком уровне только в Санкт-Петербурге, в остальных регионах ее проявления либо отсутствуют, либо минимальны. В то же время, тренды склонности к иммобилизации сбережений позволяют прогнозировать более широкое распространение данного института в российских регионах.

Ключевые слова: регион, неформальные институты, склонность к сбережению, склонность к иммобилизации сбережений, доходы населения, экономическая активность.

DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/6/48-61

Введение

Исследование институциональных аспектов развития социально-экономических систем различного уровня началось задолго до появления собственно терминов «институт», «институция» и др. Например, их принимал во внимание А. Смит, объясняя структуру потребления населения экономическими условиями, обычаями, традициями населения, проживающего в определенной местности¹. К. Маркс оперировал понятием «общественно нормальные условия» для объяснения национальных и региональных различий в заработной плате и характере потребления².

Позднее исследователи институционального направления осуществляли активный поиск качественных и количественных взаимосвязей производительности труда, потребления, сбережения, образа жизни определенных общественных групп с их традициями экономического, социального, политического свойства. Так, Ж. Бодрийяр писал о нерациональной структуре потребления широких слоев населения, препятствующей экономическому развитию³. Показательно, что основоположники институционализма М. Вебер⁴, Г. Мюрдаль⁵ связывали невосприимчивость традиционных экономик со стабильностью неформальных институтов. Принципиально эту позицию поддерживали Д. Норт, Дж. Бреннан, Дж. Стиглиц^{6,7,8}, другие исследователи.

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. Москва; Ленинград, Госсоцэкиз, 1931, с. 19.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Москва: Политиздат, 1973, с. 570-575.

³ Бодрийяр Ж. Призрак толпы. Москва, Алгоритм, 2014, с. 238-240.

⁴ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий; Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2017. 446 с.

⁵ Мюрдаль Г. Азиатская драма: Исследование нищеты народов, Москва, 1970. 204 с.

⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Начала, 1997. 180 с.

⁷ Бреннан Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2005. 272 с.

⁸ Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Москва, Издательство «Э», 2017. 512 с.

Наиболее последовательно, на наш взгляд, обосновал состав неформальных институтов (склонность к потреблению и склонность к накоплению) и раскрыл их влияние на экономические процессы Дж.М. Кейнс⁹.

В современной российской научной литературе проблема взаимосвязей неформальных институтов и социально-экономического развития регионов представлена весьма фрагментарно. Ряд исследователей, в частности, Е.В. Базуева, Ю.В. Дубровская, считают необходимой интенсификацию исследований системы институтов пространственного развития России для выявления закономерностей их воздействия на развитие экономики [2].

На уровне обобщений в отечественной научной литературе имеют место утверждения, что поведение домохозяйств оказывает существенное влияние на экономику крупных социально-экономических систем. Об этом пишут, например, Ю.К. Хижняк и П.С. Соколов [14].

С.П. Земцов отмечает необходимость активизации конкуренции между муниципальными образованияами как института развития бизнеса [6]. В.Л. Берсенева, напротив, считает, что муниципальное соперничество не способствует экономическому развитию и установлению эффективного межмуниципального сотрудничества [3].

М.В. Власов, Е.Х. Тухтарова полагают, что социокультурные факторы оказывают существенное влияние на экономическое развитие регионов: положительное – при гармоничном сочетании, и деструктивное – при разбалансировке формальных и неформальных институтов [4]. В.С. Карлаков отмечает положительное в целом влияние происходящей в России политической институционализации на обеспечение порядка, стабильности и территориальной целостности России [8].

М.А. Терентьева пишет, что распространение неформальной занятости в северных регионах страны существенно связано как с экономическими процессами (высокие издержки создания «официальных» рабочих мест), так и с местными неформальными институтами [13]. В.Ф. Исламутдинов, В.М. Куриков, Е.А. Евланов отмечают нарастающее влияние неформальных правил (рентоискательства, картельного сговора, коррупции) на поведение хозяйствующих субъектов сдерживающее экономическое развитие ХМАО-Югры [7].

И.А. Крюков, А.А. Кочнев предприняли попытку установить состав факторов, в том числе – неформального характера, оказывающих существенное влияние на деятельность региональных бизнес-структур [9].

В отношении рассматриваемых в данной статье институтов «склонность к сбережению» и «склонность к иммобилизации сбережений» в регионах России представлены единичные научные публикации теоретико-методологического и эмпирико-аналитического свойства.

Так, М.Ю. Акимов, анализируя работу Дж.М. Кейнса, выдвинул гипотезу, что последний указывал на увеличение склонности к сбережению в ре-

⁹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва, Прогресс, 1978. 154 с.

зультате роста доходов [1]. Мы полагаем, что это не совсем точно отражает взгляды Дж.М. Кейнса, у которого речь идет о росте массы сбережений в результате роста доходов, но не о склонности к сбережению, представляющей собой относительную величину и снижающейся по мере роста доходов. С точки зрения самого М.Ю. Акимова, на потребление и сбережение в регионах влияют многие демографические показатели: доля трудоспособного населения, ожидаемая продолжительность жизни, степень урбанизации. Кроме того, важное значение имеют: состояние рынка труда, уровень занятости, безработицы, производительность труда и др. [1] На уровне теоретического анализа указанные параметры социально-экономических систем следует признать значимыми для уровней и соотношения потребления и сбережения. Однако, количественные взаимосвязи автором не зафиксированы.

Представляет интерес тот факт, что М.Ю. Малкина и И.Ю. Храмова установили отсутствие определенной закономерности распределения эластичности сбережений по доходу в регионах. В то же время указанные авторы зафиксировали положительную связь сбережений с дисконтированными денежными доходами, удельным значением кредитных организаций, стоимостью жилой недвижимости на душу населения [10, 11]. Однако, отметим, что указанные авторы в своих моделях фиксируют экономические параметры, а не институциональные.

В.В. Гамукин, О.С. Мирошниченко отмечают различный характер связи объемов сбережений с долями денежных доходов относительно объема ВРП в регионах страны [5].

Таким образом, отсутствуют точно установленные зависимости даже между экономическими показателями, характеризующими состояние и динамику сбережений населения в регионах. Состояние и тем более – динамика институциональных параметров на региональном уровне практически не исследованы, что требует исследований в теоретико-методологическом и практико-ориентированном аспектах.

Методы и результаты исследования

В данной статье использованы традиционные методы исследования. Обобщение теоретических позиций исследователей осуществлено на основе монографического метода, позволившего установить позиции ученых относительно взаимосвязей экономических и институциональных процессов в системах макро- и мезоуровней.

Для анализа и прогнозирования склонности к сбережению и склонности к имобилизации сбережений в общем виде принят методологический подход, сформулированный Д.М. Кейнсом, исходя из которого уменьшение склонности к сбережению способствует росту экономической активности хозяйствующих субъектов; высокий уровень доходов и их повышение приводят к снижению значений данного показателя¹⁰. В то же время, мы не разделяем точки зрения Д.М. Кейнса на склонность к сбережению как един-

¹⁰ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва, Прогресс, 1978. 154 с.

ственную альтернативу склонности к потреблению. Экономическое поведение населения более многообразно и включает, например: материализацию и монетизацию активов, что может значительно изменить «классическое» соотношение склонности к потреблению и склонности к сбережению.

В нашем исследовании мы исходим из того, что в качестве склонности к сбережению необходимо рассматривать не их общую величину, а изменение в определенный период. То есть склонность к сбережению в нашей интерпретации представляет собой долю прироста финансовых активов (включая денежные) в доходах; соответственно, склонность к иммобилизации сбережений – доля уменьшения финансовых активов в доходах. В расчет принимаются только положительные итоговые значения прироста/уменьшения финансовых активов для оценки склонности к сбережению и отрицательные – для оценки склонности к иммобилизации сбережений.

Одна из основополагающих позиций, представленных в настоящей статье – любое действие на наноуровне (действие населения) представляет собой определенную форму реализации неформального института, который может являться как исходным по отношению к экономической форме, так и производным от нее.

В современных условиях существенными являются инновационные процессы, в значительной степени определяющие экономическое поведение любых экономических субъектов, включая население. В связи с этим в качестве объектов анализа приняты модельные регионы, представляющие виртуальные кластеры инновационной активности. Для формирования виртуальных кластеров приняты показатели, отражающие инновационную активность регионов в наиболее общем виде, исходные данные для расчетов получены из официальных статистических источников¹¹.

В результате кластерного анализа сформированы виртуальные кластеры, объединяющие регионы России, отличающиеся общим уровнем и характером инновационной активности. В составе виртуальных кластеров выделены модельные регионы, представляющие каждый кластер. Подробно методический подход, результаты кластерного анализа инновационной активности российских регионов и состав модельных регионов представлены в работе одного из авторов настоящей статьи [12].

Дополнительно к показателям инновационной активности в данной статье учтены уровень и динамика доходов населения модельных регионов.

Наиболее активный в инновационном отношении регион в составе выбранных для анализа субъектов РФ – Санкт-Петербург, представляющий кластер «А». Для него также характерны: высокий уровень доходов населе-

¹¹ Состав показателей: «удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %»; «удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %»; «используемые передовые производственные технологии, ед.»; «доля инновационных товаров, работ, услуг в их общем объеме, %»; «удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, %». Источник информации: Наука, инновации, технологии. Доступно : <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

ния: 24824 руб./мес. в 2010 г. и 49207 руб./мес. в 2020 г. (9-е место среди регионов России); одновременно регион демонстрирует высокий рост доходов среди выбранных для анализа регионов за анализируемый период – 198,2%¹².

Ярославская область занимает высокую позицию в составе регионов России по уровню инновационной активности, являясь модельным регионом кластера «Б». Уровень доходов средний – 14491 руб./мес. в 2010 г., 29514 руб./мес. в 2020 г. (40 место в РФ); рост доходов высокий – 203,6% за анализируемый период.

Волгоградская область – регион со средним уровнем инновационной активности – модельный регион кластера «В». Уровень доходов самый низкий среди анализируемых регионов и низкий по отношению к большинству субъектов Федерации: 13775 руб./мес. в 2010 г., 24864 руб./мес. в 2020 г. (64 место среди субъектов РФ), рост доходов низкий – 179,3% за анализируемый период.

Мурманская область мало активна в инновационном отношении (модельный регион кластера «Г»). В то же время область занимает высокую позицию в РФ по уровню доходов – 24047 руб./мес. в 2010 г., 46355 руб./мес. в 2020 г. (11-е место среди регионов страны); рост доходов за анализируемый период высокий – 192,7%.

Калининградская область характеризуется весьма низким уровнем инновационной активности (модельный регион кластера «Д»). Уровень доходов средний: 16040 руб./мес. в 2010 г., 29518 руб./мес. в 2020 г. (39 место в РФ); рост доходов за анализируемый период средний – 184,0%.

Расчеты по представленным выше методическим положениям показали следующие результаты.

Динамика склонности к сбережению / склонности к материализации сбережений в Санкт-Петербурге чрезвычайно нестабильна: использованные для описания динамики функции – полиномиальная, линейная и логарифмическая, демонстрируют низкие значения коэффициентов детерминации (в диапазоне от 0,04 до 0,46). Степенная и экспоненциальная функции не представлены, поскольку не описывают числовой ряд, включающий положительные и отрицательные значения. Визуализация динамики показателей представлена на рисунке 1.

¹² Уровень доходов в указанных регионах принят по официальным статистическим данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32. Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021, с. 198-199.

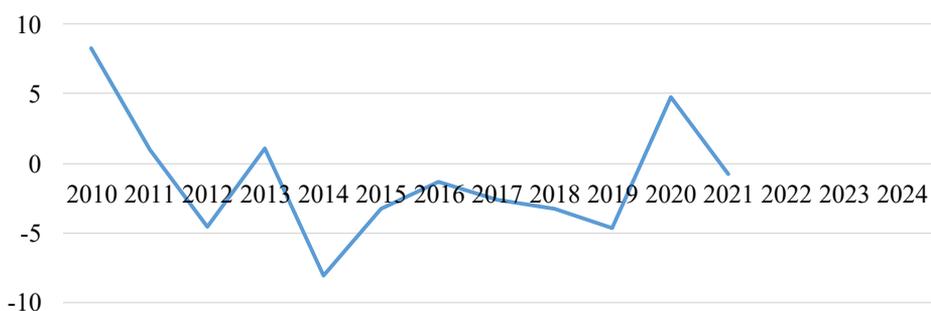

Рис. 1. Прирост (уменьшение) финансовых активов в доходах населения, % (г. Санкт-Петербург)¹³

Обозначения, здесь и далее: по оси X календарные годы; по оси Y – значения склонности к потреблению/склонности к иммобилизации сбережений.

Как видим, динамика склонности к сбережению / склонности к иммобилизации сбережений весьма неравномерная. Начало анализируемого периода (2010 г.) характеризовалось относительно высоким значением склонности к сбережению (8,3%); с 2014 по 2019 гг. в регионе преобладала склонность к иммобилизации сбережений с максимальным по модулю значением (-8,1%) в 2014 году, 2020-й год ознаменовался переходом к преобладанию склонности к сбережению (4,8%); в 2021 г. снова преобладала склонность к иммобилизации сбережений.

Склонность к сбережению в Ярославской области на протяжении всего анализируемого периода имеет положительные значения и описывается с достаточной степенью достоверности всеми пятью функциями (коэффициенты детерминации – от 0,51 (степенная функция) до 0,70 (полиномиальная функция)). Визуализация динамики склонности к сбережению представлена на рисунке 2.

Как видим, динамика склонности к сбережению неравномерная, однако, в отличие от Санкт-Петербурга, в Ярославской области фактические значения показателя только положительные (склонность к иммобилизации сбережений в масштабах региона не реализуется). Тем не менее, как видно из данных, представленных на рисунке 2, значения показателя стабильно снижаются и, в перспективе возможен переход к модели поведения населения, предполагающей преобладание иммобилизации сбережений.

¹³ Построено по: (2019–2021) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022, с. 247); (2014–2018) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2019, с. 243; (2010–2013) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2015, с. 239.

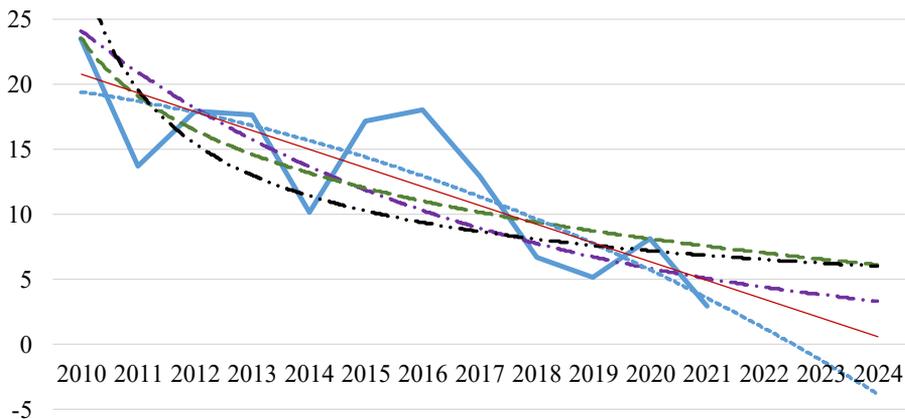

Рис. 2. Прирост (уменьшение) финансовых активов в доходах населения, % (Ярославская область)¹⁴

Обозначения:

- линейная функция
- — — полиномиальная функция
- · — · — экспоненциальная функция
- — — — — логарифмическая функция
- · · — · — — — — степенная функция

Динамика склонности к сбережению / иммобилизации сбережений в Волгоградской области достаточно достоверно описывается полиномиальной, линейной и логарифмической функциями (коэффициенты детерминации, соответственно – 0,77, 0,58, 0,76). Степенная и экспоненциальная функция (как и в Санкт-Петербурге) не реализуются из-за наличия в ряду положительных и отрицательных значений показателя. Визуализация динамики склонности к сбережению / иммобилизации сбережений в Волгоградской области представлена на рисунке 3.

Как видим, в целом на протяжении анализируемого периода в Волгоградской области преобладала склонность к сбережению. Отрицательные значения наблюдались в 2014 и 2019 гг. Несмотря на преобладание положительных значений, заметно их значительное снижение. Исходя из такой противоречивой динамики, возможны три варианта прогноза на среднесрочный период: достаточно интенсивный рост, хотя и не позволяющий достичь исходного уровня склонности к сбережению в 2025 г. (11,23%); резкое снижение по линейной функции; плавное снижение по логарифмической функции, тем не менее приводящее к преобладанию склонности к иммобилизации сбережений в 2025 г., соответственно: -4,93% и -1,16%.

¹⁴ Построено по: (2019–2021) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022, с. 247; (2014–2018) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2019, с. 243; (2010–2013) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат, Москва, 2015, с. 239.

к сбережению на протяжении всего анализируемого периода неустойчиво снижались, достигнув минимального значения (5%) в 2014 г., затем значения показателя колебались в диапазоне 9-10% при скачкообразном росте (до 13%) в 2020 г. На среднесрочную перспективу возможны три варианта прогноза – во всех случаях значения склонности к сбережению сохранят положительные значения, но будут ниже, чем в начале анализируемого периода (не выше 20,57%).

Динамика склонности к сбережению / склонности к иммобилизации сбережений в Калининградской области описывается с достаточной степенью достоверности линейной, полиномиальной и логарифмической функциями (коэффициенты детерминации, соответственно, 0,72, 0,76, 0,75). Экспоненциальная и степенная функции не формируются в связи с наличием и положительных, и отрицательных значений в течение анализируемого периода. Визуализация динамики склонности к сбережению / иммобилизации сбережений представлена на рисунке 5.

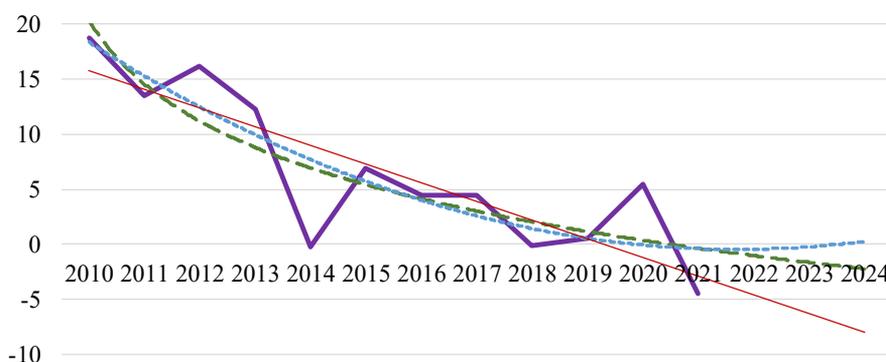

Рис. 5. Прирост (уменьшение) финансовых активов в доходах населения, % (Калининградская область)¹⁷

Обозначения:

Динамика склонности к сбережению / иммобилизации сбережений в Калининградской области весьма нестабильна: снижение с 20% в 2010 г. до нуля в 2014 г.; скачкообразный рост до 7% в 2015 г.; с 2015 г. до 2020 г. снижение до 0%; в 2020 г. – рост до 5%; в 2021 г. – снижение до -5%. То есть, на протяжении практически всего периода реализовалась склонность к сбережению, в 2021 г. – склонность к иммобилизации сбережений. Достаточно высокие коэффициенты детерминации функций позволяют сформировать три варианта прогноза: фиксация склонности к сбережению в 2025 г.

¹⁷ Построено по: (2019–2021) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2022, с. 247; (2014–2018) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2019, с. 243; (2010–2013) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2015, с. 239.

на уровне около 1,00% (по полиномиальной функции); преобладание в регионе склонности к иммобилизации сбережений на уровне около -2,75% (по логарифмической функции), значительный рост (по модулю) показателя – до -9,71% (по линейной функции).

Заключение

Сравнительный анализ склонности к сбережению и склонности к иммобилизации сбережений в российских регионах позволяет сделать следующие выводы.

1. Склонность к сбережению на протяжении периода 2010-2021 гг. снижается во всех проанализированных регионах России независимо от уровней их инновационной активности, уровня доходов населения и его динамики. Склонность к иммобилизации сбережений растет, что свидетельствует о снижении уровня «отложенной активности» в пользу «текущей активности».

2. Динамика склонности к сбережению / иммобилизации сбережений в наиболее активном в инновационном отношении регионе – Санкт-Петербурге, характеризующемся высоким уровнем доходов и их высоким ростом, нестабильна, не имеет сколько-нибудь выраженной тенденции, что позволяет предположить конъюнктурную ориентацию различных видов экономической активности населения. Вполне понятно, что для реализации данной модели необходимы достаточные ресурсы, позволяющие маневрировать ими, как это имеет место в крупном, развитом во всех отношениях Санкт-Петербурге.

3. Динамика склонности к сбережению сбережений в Ярославской, Волгоградской, Мурманской, Калининградской областях демонстрирует достаточно стабильное снижение значений показателя, несмотря на существенные различия в уровнях инновационной активности, доходов и их роста.

4. Наиболее высокий уровень склонности к сбережению характерен для Мурманской области, отличающейся низким уровнем инновационной активности, высокими уровнями доходов и их роста.

5. Склонность к иммобилизации сбережений фактически реализовалась в анализируемом периоде на довольно высоком уровне в Санкт-Петербурге; в Волгоградской и Калининградской областях имели место краткосрочные проявления данной институции. В Ярославской и Мурманской областях, имеющих существенно различающиеся параметры инновационной активности, уровня доходов и их динамики, склонность к иммобилизации активов фактически не реализовывалась. Таким образом, склонность к иммобилизации сбережений следует рассматривать в настоящее время как довольно редкое явление.

6. В то же время, характер трендов позволяет прогнозировать распространение склонности к иммобилизации сбережений на все анализируемые регионы, кроме Мурманской области.

Список источников

1. Акимов М.Ю. Влияние тенденций рынка труда на потребительское и сберегательное поведение населения // *Путеводитель предпринимателя*, 2023, т. 16, no. 3, с. 20-25.
2. Базуева Е.В., Дубровская Ю.В. Обоснование причин неэффективности системы институтов пространственного развития РФ в контексте параметров качества // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, 2021, т. 16, no. 2, с. 150-167.
3. Берсенёв В.Л. Институты межтерриториального взаимодействия: перспективы для Тувы? // *Азиатские исследования: история и современность*, 2023, no. 1, с. 140-158.
4. Власов М.В., Тухтарова Е.Х. Роль социокультурных факторов в воспроизводстве и накоплении человеческого капитала в российских регионах // *Human Progress*, 2023, т. 9, no. 5, с. 2.
5. Гамукин В.В., Мирошниченко О.С. Влияние валового регионального продукта и совокупных денежных доходов на сберегательное поведение в регионах России // *Journal of Applied Economic Research*, 2021, т. 20, no. 3, с. 383-405.
6. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2020, no. 2 (46), с. 168-180.
7. Исламутдинов В.Ф., Куриков В.М., Евланов Е.А. оценка эффективности и конгруэнтности экономических институтов, способствующих выходу экономики ХМАО-Югры из ловушки «голландской болезни» // *Казанский экономический вестник*, 2020, no. 5 (49), с. 23-38.
8. Карлаков В.С. Особенности политической институционализации в России в начале XXI века // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 2020, т. 10, no. 6, с. 126-130.
9. Крюков И.А., Кочнев А.А. Воздействие институциональных факторов на активность бизнеса в условиях цифровизации регионов // *Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика*, 2023, т. 19, no. 4 (75), с. 15-18.
10. Малкина М.Ю., Храмова И.Ю. Факторы сбережений населения: страновой и региональный анализ // *Региональная экономика: теория и практика*, 2017, т. 15, no. 10 (445), с. 1844-1867.
11. Малкина М.Ю., Храмова И.Ю. Факторы сбережений населения: страновой и региональный анализ // *Экономический анализ: теория и практика*, 2017, т. 16, no. 11 (470), с. 2004-2027.
12. Праченко А.А. *Инновационное развитие российских регионов в условиях турбулентности внешней среды: состояние и перспективы*. Воронеж, Истоки, 2023. 182 с.
13. Терентьева М.А. Занятость в неформальном секторе экономики в северных регионах России // *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 2023, т. 26, no. 4 (82), с. 206-216.
14. Хижняк Ю.К., Соколов П.С. Финансы домохозяйства: эволюция понятия, экономическая сущность и роль в финансовой системе РФ // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 2022, т. 12, no. 12-1, с. 49-59.

DYNAMICS OF «PROPENSITIES» OF POPULATION TO SAVING AND IMMOBILIZATION OF SAVINGS IN RUSSIAN REGIONS: ANALYSIS AND PROGNOSIS

Treschevsky Yuri Igorevich¹, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Dashkova Ekaterina Sergeevna¹, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.

Prachenko Anton Alexandrovich², Cand. Sci. (Econ.)

¹ Voronezh State University, Universitetskaya Pl., 1, Voronezh, Russia, 394018; e-mail: utreshevski@yandex.ru; dashkova-82@mail.ru

² Moscow State University of Sport and Tourism, Kirovogradskaya str., 21, bldg. 1, Moscow, Russia, 117519; e-mail: anton-prachenko@mail.ru

Importance: the dynamics of informal institutions «propensity to save» and «propensity to immobilize savings» in Russian regions that differ in the levels of economic, including innovation activity. *Purpose:* to analyze the dynamics of the population's «propensity» to save and immobilization of savings in Russian regions in the context of their overall level of economic activity. *Research design:* in the process of research we used a set of general theoretical, private theoretical and empirical methods: historical-genetic, logical, dialectical; comparative, cluster, correlation and regression analysis. The initial information for calculations was obtained from official statistical sources. *Results:* the study analyzed the dynamics of «propensity to save» and «propensity to immobilize savings» in the regions of Russia as informal institutions and forms of economic activity in the relationship with the indicators of innovation development, the level and growth of income in the period 2010-2021. The comparative analysis of these institutions allowed us to establish that the propensity to save in the regions of the country is decreasing regardless of the levels of innovation activity, incomes and their dynamics. In St. Petersburg, a region characterized by a high level of economic, including innovation activity, the dynamics of the propensity to save/immobilization of savings is unstable and does not have any pronounced trend, which suggests a conjunctural orientation of various types of economic activity of the population of the region. The other regions analyzed (Yaroslavl, Volgograd, Murmansk, Kaliningrad oblasts) are characterized by a significant decrease in the propensity to save. The propensity to immobilization of savings was realized at a fairly high level only in St. Petersburg, in other regions its manifestations are either absent or minimal. At the same time, trends in the propensity to immobilize savings allow us to predict a wider spread of this institution in Russian regions.

Keywords: region, informal institutions, propensity to save, propensity to immobilize savings, population income, economic activity.

References

1. Akimov M.Ju. Vlijanie tendencij rynka truda na potrebitel'skoe i sberegatel'noe povedenie naselenija. *Putevoditel' predprinimatelja*, 2023, t. 16, no. 3, pp. 20-25. (In Russ.)
2. Bazueva E.V., Dubrovskaja Ju.V. Obosnovanie prichin nejeffektivnosti sistemy institutov prostranstvennogo razvitiya RF v kontekste parametrov kachestva. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Jekonomika*, 2021, t. 16, no. 2, pp. 150-167. (In Russ.)
3. Bersen'ov V.L. Instituty mezhterritorial'nogo vzaimodejstvija: perspektivy dlja Tuvy? *Aziatskie issledovanija: istorija i sovremennost'*, 2023, no. 1, pp. 140-158. (In Russ.)
4. Vlasov M.V., Tuhtarova E.H. Rol' sociokul'turnyh faktorov v vosproizvodstve i nakoplenii chelovecheskogo kapitala v rossijskih regionah. *Human Progress*, 2023, t. 9, no. 5, p. 2. (In Russ.)
5. Gamukin V.V., Miroshnichenko O.S. Vlijanie valovogo regional'nogo produkta i sovokupnyh denezhnyh dohodov na sberegatel'noe povedenie v regionah Rossii. *Journal of Applied Economic Research*, 2021, t. 20, no. 3, pp. 383-405. (In Russ.)
6. Zemcov S.P. Instituty, predprinimatel'stvo i regional'noe razvitie v Rossii. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoj asociacii*, 2020, no. 2 (46), pp. 168-180. (In Russ.)
7. Islamutdinov V.F., Kurikov V.M., Evlanov E.A. Ocenka jeffektivnosti i kongrujntnosti jekonomicheskikh institutov, sposobstvujushchih vyhodu jekonomiki HMAO-Jugry iz lovushki «gollandskoj bolezni». *Kazanskij jekonomicheskij vestnik*, 2020, no. 5 (49), pp. 23-38. (In Russ.)
8. Karlakov V.S. Osobennosti politicheskoy institucionalizacii v Rossii v nachale HHI veka. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2020, t. 10, no. 6, pp. 126-130. (In Russ.)
9. Krjukov I.A., Kochnev A.A. Vozdejstvie institucional'nyh faktorov na aktivnost' biznesa v uslovijah cifrovizacii regionov. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Serija: Jekonomika*, 2023, t. 19, no. 4 (75), pp. 15-18. (In Russ.)
10. Malkina M.Ju., Hramova I.Ju. Faktory sberezenij naselenija: stranovoj i regional'nyj analiz. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, 2017, t. 15, no. 10 (445), pp. 1844-1867.
11. Malkina M.Ju., Hramova I.Ju. Faktory sberezenij naselenija: stranovoj i regional'nyj analiz. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, 2017, t. 16, no. 11 (470), pp. 2004-2027. (In Russ.)
12. Prachenko A.A. *Innovacionnoe razvitie rossijskih regionov v uslovijah turbulentnosti vneshnej sredy: sostojanie i perspektivy*. Voronezh, Istoki, 2023. 182 p. (In Russ.)
13. Terent'eva M.A. Zanjatost' v neformal'nom sektore jekonomiki v severnyh regionah Rossii. *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka*, 2023, t. 26, no. 4 (82), pp. 206-216. (In Russ.)
14. Hizhnjak Ju.K., Sokolov P.S. Finansy domohozjajstva: jevoljucija po-njatija, jekonomicheskaja sushhnost' i rol' v finansovoj sisteme RF. *Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra*, 2022, t. 12, no. 12-1, pp. 49-59. (In Russ.)